

ПАРАЛИЧНОСТЬ

PSYCHOLOGICAL NOVEL

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Е. Панков

Параличность

«Автор»

2026

Панков Е.

Параличность / Е. Панков — «Автор», 2026

3:47 ночи. Тело — бетон. В углу — тень. Обычная панелька. Автобус по пробкам, дешёвая еда на ужин, работа, от которой не спрятаться. И каждую ночь — сонный паралич. Тёма просыпается и видит в углу плотную, почти живую тень. Врачи говорят — галлюцинации. Но тень двигает вещи, оставляет следы на стенах и с каждым разом становится ближе. Тёма идёт к психологу и начинает понимать: тень — не враг. Это та часть его личности, которую он вытеснил, когда стало слишком тяжело. И если он не признает её, его дом — буквально и метафорически — начнёт трещать по швам. Это не роман ужасов. Это честная история о депрессии, одиночестве и попытке собрать себя заново. Для тех, кто знает: тень в углу — это не монстр. Это ты. Тот, кого ты забыл.

© Панков Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. "3:47"	5
Глава 2. «Совещание»	11
Глава 3. «Чужой в моём доме»	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Параличность

Глава 1. "3:47"

Квартира моя — хуйня, если честно. Не в том смысле, что плохая. В том смысле, что её как бы нет. Однушка на девятом этаже панельки в самом ебучем конце улицы Восточно-Круговой, откуда до центра — сорок минут на автобусе, который ходит когда захочет, а захочет он редко. Дом старый, года две тысячи четвёртого, когда строили — сэкономили на всём, включая совесть прораба. Стены тонкие, слышно, как сосед за стеной сморкается. Или дрончит. Или плачет. Я не разбираю. Это всё звучит одинаково через эти стены.

Но мне нравится.

Мне нравится, что квартира маленькая и тупая, и в ней некуда деть вещи, которых у меня всё равно нет. Мне нравится, что входная дверь открывается с таким звуком, будто ей больно. Что в коридоре лампочка на сорок ватт, и света хватает только на то, чтобы понять — ты дома, а не в каком-то другом месте, где хуже. Что от противоположного дома — три метра, и в окно напротив можно смотреть, как кто-то другой тоже не спит, тоже сидит на кухне, тоже пьёт не потому что хочет, а потому что иначе руки девать некуда.

Квартира как я. Обшарпанная, уставшая и не пытается казаться лучше, чем есть.

Вечер вторника. Возвращаюсь с работы в восемь — не потому, что задержался, а потому что автобус трясся по пробкам, как больной зуб по челюсти. Погода — сентябрь, Краснодар, то есть ад с влажностью. Пот стекает по спине, рубашка прилипла, куртка через руку — как мокрый труп. В подъезде пахнет мочой и хлоркой, как в каждой второй поликлинике страны. Лифт работает. Удивлён. Захожу, нажимаю девятый. Лифт едет, стонет, но едет. У меня всё.

Дверь. Ключ. Замок хрипит. Вхожу.

Коридор — три метра в длину, метр в ширину. Справа — шкаф, дверца которого не закрывается до конца, потому что я запихнул туда три Дианиных футболки и её зимнюю куртку, которые она забыла, а я не выбросил. Не потому, что помню. Потому что забыл. Забыл выбросить — как всё остальное. Налево — ванная. Прямо — кухня.

Часы на стене. Кварцевые, круглые, белые. Отстают на семь минут. Я не перевожу. Зачем. Время всё равно идёт, подстраивается. Если часы показывают 20:14, а на самом деле 20:21 — значит, в этой квартире сейчас 20:14, и пусть остальной мир подождёт.

Часы на стене. Кварцевые, круглые, белые. Отстают на семь минут. Я не перевожу. Зачем. Время всё равно идёт, подстраивается. Если часы показывают 20:14, а на самом деле 20:21 — значит, в этой квартире сейчас 20:14, и пусть остальной мир подождёт.

Наручные часы — отдельная история. Диана подарила их на какой-то праздник. Или не на праздник. Просто так. Они тоже отстают. Тоже на семь минут. Я не перевожу и их. Я вообще перестал переводить время. Как будто если оно отстаёт — значит, можно не спешить. Можно не догонять. Можно быть в своей квартире, в своём времени, со своими семью минутами, которые никому не нужны.

Наручные часы — отдельная история. Диана подарила их на какой-то праздник. Или не на праздник. Просто так. Они тоже отстают. Тоже на семь минут. Я не перевожу и их. Я вообще перестал переводить время. Как будто если оно отстаёт — значит, можно не спешить. Можно

не догонять. Можно быть в своей квартире, в своём времени, со своими семью минутами, которые никому не нужны.

Кухня четыре на три. Метров. Не шагов — метров, потому что шагов тут три с половиной, и то если ты не в тапках. Холодильник — «Индезит», купленный б/у с рук у мужика с Авито, который сказал «работает как новый» и не соврал — он действительно работает. Гудит, как астматик после третьего этажа, но работает. Внутри — три бутылки «Балтики», упаковка доширака «с говядиной» (говядина — это название, не ингредиент), засохший сыр, баночка горчицы открытая неизвестно когда и йогурт. Срок годности йогурта — я не смотрел. Я не смотрю на сроки. Если еда не шевелится — можно есть.

На столе — недопитое утреннее кофе в кружке с надписью «Лучший начальник мира». Диана подарила. Ирония в том, что это была ирония, а я ношу её без иронии, потому что мне плевать. Кружка как кружка. Пепельница — стеклянная, тяжёлая, подаренная коллегой Алиной на день рождения. Сказала: «Чтобы ты хотя бы красиво травил себя». Полная окурков до фильтра. Я всегда докуриваю до фильтра. Уплачено за каждую затяжку — зачем дарить табак воздуху.

Стена напротив стола — обои. Светло-серые. Или были. Сейчас — серые. Или темнее. Не могу сказать. Я не помню, когда они были светло-серыми. Может, когда Диана клеила. Нет, не клеила. Мы клеили вместе, и она орала, что я криво режу, а я говорил, что стены кривые, и она говорила «тогда выравнивай», а я говорил «тогда найми», и она замолкала, и мы молча доклеили криво, и обои пошли пузырями, и мы решили, что это «характер», и теперь характер потемнел.

Сажусь на кухне. Снимаю ботинки — не развязываю, просто выдавливаю ногу, как из гипса. Включаю чайник. «Тефаль», семь лет службы, нагревает воду с таким энтузиазмом, которого мне не хватает ни на что. Пока греется — открываю холодильник, достаю доширак. Заливаю кипятком. Накрываю Дианиной тарелкой — белой, с синим ободком, от сервиза, от которого осталась одна тарелка, потому что я остальное побил, а Диана забрала то, что уцелело. Получается — тарелка-то моя. Нет. Не моя. Её. Но в моём доме.

Ем. Доширак на вкус — как доширак. Не плохо, не хорошо. Просто тепло. Тепло — единственное, что мне нужно от еды. Не вкус, не питательность. Чтобы было тепло внутри, потому что снаружи — нет.

Допиваю пиво. Второе. Третье оставляю на завтра. Или не оставляю. Открываю третье. Пью. Пиво тёплое. Я знал. Мне плевать. Холодильник гудит. Часы тикают, отставая на семь минут от мира, который и так спешит непонятно куда.

Мыться. Ванная — два на полтора. Кафель белый, или был. Сейчас — с жёлтыми подтёками у стыка с потолком — соседи сверху затопили три раза. И каждый раз я верил, что починят. Раковина, унитаз, стиральная машина «Кэнди», которая стирает так, будто внутри кто-то бьётся. Ванна. Не душ — ванна. Сидеть в горячей воде и смотреть в потолок, на котором пятно в форме то ли Италии, то ли сердца — зависит от того, насколько мне хуёво. Сейчас — Италия. Значит, не так уж хуёво. Горячая вода. Пена — нет, я мужик. Просто вода. Почти обжигающая. Пока не остынет. Потом — ещё. Пока кожа не становится красной, как после драки, которой не было

Вытираюсь. Полотенце — жёсткое, сушёное на батарее, трёт кожу, как наждак. Нравится. Чувствую — тело ещё здесь.

Телек. В комнате — не спальня, а комната, потому что «спальня» — это когда есть кровать. У меня — диван-кровать. Раскладушка. Не разобранная уже полгода. Сначала, потому что Диана спала со мной, и мы не разбирали, потому что разбирать — это признать, что кто-то приходит и уходит. Потом — потому что Диана ушла, и разбирать — это признать, что больше никто не приходит. Так и спим — я и диван. На полу.

Нет, на матрасе. Матрас на полу. Потому что диван раскладывать — лишнее движение. Матрас на полу — это честно. Никаких претензий. Пол — это пол. Я — это я. Между нами — матрас.

Телек — «Самсунг», тридцать два дюйма, на тумбе. Включаю. Первый канал. Новости. Ведущий говорит что-то про экономику. Я не слышу. Я слышу — гудение. Голос — как гул. Слова — как вода. Текут, и всё. Потом — какой-то сериал. Не знаю какой. Люди ходят, говорят, спят, едят, любят, ненавидят. Как я, только в красивой одежде и с нормальным освещением.

Лежу на матрасе. Пульт рядом. Звук на шесть. Не слышно и не тихо. Нормально. Как всё в этой квартире.

Думать. Начинаю думать. Не потому что хочу — потому что тело уже не занято, и мозг заполняет пустоту, как вода заполняет дыру.

Думаю про работу. Виктор Сергеевич завтра совещание в восемь. Восемь утра. Это значит — встать в шесть тридцать. Это значит — лечь в двенадцать. Это значит — шесть с половиной часов сна. Это если уснуть сразу. Я не усну сразу.

Думаю про Диану. Не — думаю. Скорее — мерцает. Образ. Не лицо — силуэт. Она стояла в дверях с сумкой, и свет из коридора падал ей на спину, и я видел только контур, и контур сказал: «Ты даже не спишь нормально, Тёма. Какой от тебя толк?» И вышел. И дверь закрылась. И замок хрипнул. И квартира стала — моя. Или — ничья.

Думаю про деньги. На карте — десятка. Тысяч десять. До зарплаты ещё неделя. На пиво. На сигареты. На доширак. И всё.

Думаю про сон. Вернее — про его отсутствие. Последний месяц я сплю плохо. Не плохо — хуже. Три, четыре часа. Просыпаюсь. Лежу. Снова засыпаю. Снова просыпаюсь. И так — до будильника. Но это — ещё норм. Это — просто бессонница. Она — знакомая. Она — как сосед за стеной: бесит, но привычный.

А потом — три недели назад — началось это.

Сонный паралич.

Я не знал, как это называется, пока не загуглил. До этого — просто думал, что схожу с ума. Что тень в углу — это галлюцинация. Что невозможность пошевелиться — это сон. Что сипение вместо крика — это сон. Что всё — сон.

А потом загуглил и прочитал: сонный паралич — состояние при засыпании или пробуждении, когда сознание возвращается, а мышечный тонус ещё не восстановился. Происходит на границе REM-фазы и бодрствования. Мозг уже «включён», но тело ещё «выключено». В норме мозг отключает тело во время сна, чтобы мы не дёргались, видя сны. При параличе — отключает, но забывает включить обратно.

Спасибо, мозг. Очень полезная функция. Ты хотя бы не один такой — вся моя квартира работает так же: холодильник гудит, а толку ноль. Свет горит, а жить не хочется. Я встаю, иду на работу, а внутри — пустота. Включаюсь, но не работаю.

Я думал: «Это пройдёт». Пил валерьянку. Давился, но пил. Бесполезно.

Телек работает. Голоса — гул. Свет — голубой, мерцающий. Глаза закрываются. Открываются. Закрываются. Думаю — про работу, про Диану, про деньги, про автобус, про Виктора Сергеевича, про его лицо, которое выглядит как колено, про пепельницу, про окурки, про йогурт, срок которого я не знаю, про обои, которые потемнели, про часы, которые отстают, про воду в ванной, которая остыла, про пиво, которое тёплое, про —

Закрываю глаза.

3:47.

Не помню, когда уснул. Не помню — как. Не помню — что было на телеке. Помню — что лежал. А теперь — не могу.

Не могу пошевелиться. Ни рукой, ни ногой, ни пальцем. Ни одним мускулом. Тело — бетон. Залитый, застывший, тяжёлый. Не чужой — мой. Но — не мой. Как будто я в нём, но не у руля. Как будто я — пассажир в собственном теле, а кто-то другой — за рулём, и он не знает, как вести.

Глаза — открыты. Это первое, что я понимаю. Глаза открыты, и я вижу. Вижу — потолок. Белый. Вижу — тумбу. Телек — выключился, или я выключил, или он сам. Экран — чёрный. Вижу — комнату. Матрас. Пульт. Окурки в пепельнице на тумбе. Всё — как было. Всё — на месте.

Нет.

Не всё.

Угол.

Угол комнаты, слева от шкафа. Там, где обои сходятся — нет, не сходятся. Где они не сходятся, где щель, где тень от шкафа падает на стену — там.

Тень.

Не — тень от шкафа. Не — тень от фонаря. Не — тень от чего бы то ни было. Тень, которая не от чего бы то ни было. Тень — сама по себе. Плотная. Густая. Как будто свет — обходит её. Как будто свет — боится. Как будто свет — знает, что туда не надо.

Она — в углу. Но — не в углу. Она — есть угол. Она — занимает пространство, как вещь. Как тело. Как — кто-то, кто стоит. Стоит и — не двигается. Но — двигается. Не перемещается — двигается. Внутри себя. Как будто в ней — что-то ворочается. Не форма — содержание. Что-то — внутри тени. Что-то — живое.

Я хочу крикнуть. Хочу — блять, хочу крикнуть. Рот — закрыт. Открываю — не открывается. Губы — шевелятся. Нет — пытаются шевелиться. Из горла — звук. Не крик. Не слово. Сипение. Как из радиоприёмника, который ловит пустоту. Как из человека, который забыл, как разговаривать. Сипение — выходит. И — не выходит. Как будто и звук — парализован.

Тень — двигается. Больше. Становится — больше. Не растёт — приближается. Или — и то, и другое. Она ближе. И — больше. И — плотнее. Давление. На грудь. Не физическое — наличие. Как будто кто-то положил ладонь — нет, не ладонь. Присутствие. На грудь. И — держит. Не давит — держит. Как будто — не даёт. Не даёт — встать. Не даёт — проснуться.

Я не могу проснуться.

Я не могу проснуться.

Четыре минуты. Я потом — посмотрю на часы. Четыре минуты — между 3:47 и 3:51. Четыре минуты, которые — как четыре года. Которые — как четыре секунды. Которые — не имеют длительности. В которых — нет времени. Есть только — тень. И — я. И — не могу.

Потом — отпускает. Не постепенно — сразу. Как будто — выключили. Как будто — кто-то выключил. Тень — уходит. Не исчезает — уходит. Отступает. В угол. В щель. В обои. В стену. В — ничего. И — нет.

И — тело — моё. Палец — шевелится. Рука — шевелится. Я — сажусь. Сердце — как у марафонца, который прибежал и не понимает, зачем. Дыхание — ртом. Глубоко. Часто. Пот — на спине, на лбу, на груди. Простыня — мокрая. Как будто я — спал в воде. Или — не спал.

Часы. 3:51. Телек — чёрный. Экран. Выключился. Или — нет. Не знаю. Всё — как было. И — не как было. И — тени — нет. Только — угол. Обычный угол. Шкаф. Обои. Застоялый запах говяжьего доширака.

Встаю. Ноги — ватные. Иду — на кухню. Не — на кухню. К балкону. Сначала — кухня. Достать сигареты. Пачка «Винстон» — на столе, рядом с пепельницей. Трясущимися руками — нет, не трясущимися, мокрыми — открываю. Достаю одну. Зажигалка. Щёлк. Огонь. Дым. Вдох. О.

Кашель. Потом — нормально. Сажусь на табуретку. Кухня. Свет — не включаю. Не нужно. Свет от фонаря с улицы — хватает. Холодильник гудит. Часы тикают. Отстают. Сейчас — 3:53. На часах — 3:46. Близко. Почти — попали.

Выхожу на балкон. Балкон — два метра в длину, полметра в ширину. Застеклён. Стекло — грязное. Не мыл. Не мыл — с весны. Или с зимы. Не помню. На подоконнике — банка из-под чего-то, в которой — окурки. Достаю сигарету. Закуриваю. Вторую. За пять минут.

Город — спит. Почти. Фонарь под окном — мигает. Включается, выключается, включается. Как будто тоже не может — решить. Спать или нет. Я — понимаю. Низкие панельки — тёмные. Окна — чёрные, редкие — жёлтые. Где-то — тоже не спят. Где-то — тоже — сидят. Тоже — курят. Тоже — не могут.

Докуриваю. До фильтра. Ладонь — окурки в банку. Стою. Смотрю. Воздух — прохладный, сентябрь. Влажный. Запах — мокрый асфальт, запах — чьей-то еды из окна третьего этажа, запах — усталости. Моей.

Возвращаюсь. Ложусь. Не — ложусь. Сажусь. На матрас. Смотрю в угол. Пусто. Шкаф. Обои. Нет — ничего. Не — ничего. Ничего. Ничего — не было. Был — сон. Паралич. Мозг забыл включить тело. Тень — галлюцинация. Гипнопомпическая, или гипнагогическая, или как там — не помню. Я гуглил. Я знаю. Я знаю, что это — не реально. Что тень — не тень. Что давление — не давление. Что всё — мозг. Химия. Электричество. Сбой в системе.

Я знаю.

Но — 3:47 — было. И — четыре минуты — были. И — оно — было. И — я — не могу — проснуться.

Не — не могу. Не мог. Сейчас — могу. Сейчас — проснулся. Сейчас — сижу. В нормальной квартире, в нормальном мире, с нормальными часами, которые отстают на семь минут, и нормальным холодильником, который гудит, и нормальным пультом, который лежит — на тумбе. На тумбе.

На тумбе.

Я оставил пульт на столе. На кухне. Я точно оставил его на столе. После ужина. Пульт — от телека — на кухонном столе. Я — помню. Потому что — после доширака — включил новости, потом — переключил, потом — лёг, и пульт — остался на столе. Я — помню.

Пульт — на тумбе. Рядом с пепельницей.

Я — не трогал.

Глава 2. «Совещание»

Совещание в восемь. Я знал. Я помнил. Я помнил, пока стоял в автобусе и держался за поручень, который был мокрым от чьей-то ладони, и думал: «Чья это ладонь? Как она жила? Куда держалась?»

Восемь. Виктор Сергеевич. Кабинет. Стекланный, как аквариум. Рыба в нём одна, и она давно плавает по кругу, не замечая, что аквариум треснул.

Виктор Сергеевич — не плохой человек. Плохой — это когда есть выбор. Виктор Сергеевич — мелкий. Мелкий, как табуретка, на которую он взбирается каждый раз, когда ему нужно почувствовать себя высоким. Он не злой — он испуганный. Испуганный человек, который нашёл единственный способ не бояться — бояться кого-то. И этим кем-то был я.

— Артём, — говорит он. Голос — как наждачная бумага по стеклу. — Вовлечённость по проекту «Кубань-Тур» — четыре процента. Четыре. Я не знаю, как ты это делаешь.

Он продолжает. Я киваю. Ритмично. Голова вниз — вверх. Вниз — он видит, что я слушаю. Вверх — он видит, что я живой. Этого достаточно.

Совещание длится сорок минут. Сорок минут — это десять сигарет, если курить одну за другой. Или пятнадцать, если не затягиваться. Я считаю не минуты, сигареты. Это помогает.

Рядом — Алина. Единственный человек в этом офисе, который не смотрит на меня как на мебель.

— Ты живой? — шепчет она.

— Нет. Я призрак. Пришёл отомстить за невыплаченный бонус.

— Серьёзно. Ты выглядишь...

— Тёма.

— Алина.

— Иди к врачу.

— Я хожу.

— К настоящему врачу.

— У него кабинет. И кресло. И лампа.

— И диплом?

Я молчу. Потому что не знаю. Может, есть. Может, нет. Я никогда не ходил к психологу. Я не знаю, как это работает. Мне страшно.

— Вот именно, — говорит Алина.

Совещание кончилось. Я сижу за столом. Экран. «Бриф на проект „Кубань-Тур“ — дедлайн пятница». Сегодня — среда. Два дня. На проект, которому нужна неделя. Или никогда.

Печатаю. Слышу только кулер. Булькает, как мой холодильник.

Алина подходит. Ставит кружку. Обычную, с логотипом компании.

— Выпей. И иди к врачу. Леонид Аркадьевич. У моей подруги было то же самое. Он помог.

— Ты веришь в тени?

— Я верю в кофе. Пей.

Она смотрит на меня так, будто видит человека. Я не знаю, почему она ко мне так относится. Может, у неё самой было что-то похожее. Я не спрашиваю.

Пью. Горячо. Горько.

День. Вторая половина. Текст — выходит. Не хороший, не плохой — выходит.

Виктор Сергеевич кладёт на стол жёлтый стикер. «Перенести дедлайн на четверг». Завтра.

Я смотрю на жёлтый листок. Квадратный. Маленький. Жёлтый. Как маленький, квадратный, жёлтый пошёл нахуй.

Поднимаю голову. Виктор Сергеевич уже в своём аквариуме. Смотрит в монитор.

Я отрываю стикер. Кладу в карман. Ноги — ватные. Как будто кто-то вытащил часть набивки.

Алина уходит в шесть.

— Тёма. Леонид Аркадьевич. Кабинет 406. Бизнес-центр «Меридиан». Красная, сто двадцать восемь. Запишись.

— Ладно.

— Обещай.

— Обещаю.

Она уходит. Офис пустеет. Экран — мигает. «Бриф на проект „Кубань-Тур“. Дедлайн — четверг».

Четверг — это завтра.

Домой. Автобус. 39-й. Влажность — не знаю. Воздух — суп. Дышу ртом.

Дверь. Ключ. Хрип.

Вхожу. Коридор. Шкаф — дверца приоткрыта. Я закрывал её утром. Или нет.

Кухня. Включаю свет. Лампочка — сорок ватт. Жёлтая.

Холодильник — гудит. Доширак. Пиво. Сыр. Йогурт. Беру доширак. Заливаю. Смотрю на стену. Обои. Серые. Мы клеили их вместе с Дианой. Тогда они были светлыми. Теперь — нет. Как и всё.

Ем. Только тепло. Пью пиво. Тёплое. Всё на одном уровне. Доширак, пиво, работа, Диана, тень, 3:47, пульт — всё одинаковой густоты.

Допиваю. Достаю второе. Темно. Свет от фонаря — из окна. Мигает.

— Решай уже, — говорю фонарю. — Хуй ты или нет.

Фонарь — горит ровно.

Закуриваю. На кухне. Дым в потолок.

Думаю. Про Алину. Про Леонида Аркадьевича. «У моей подруги было то же самое. Он помог». Что — помог? Убрал тень? Или просто посидел рядом? С лампой. Без диплома.

Хочу пойти. Не потому что верю. Потому что надо что-то делать.

Душ. Ванна. Горячая вода. Смотрю в потолок. Сердце. Значит — хуже, чем утром. Это моя шкала.

Вытираюсь. Полотенце — жёсткое. Хорошо.

Комната. Матрас. Телек. Включаю. Голос — гул. Слова — вода.

Пульт — на тумбе. Я положил его на стол. После ужина. Я помню. Или нет. Недосып.

Глаза — закрываются. Думаю про работу. Про дедлайн. Про 3:47. Про тень.

Нет. Лучше спать. Лучше тень. Чем вся жизнь без сна.

Глаза закрываются.

Думаю про Леонида Аркадьевича. Завтра. Или когда-нибудь. Позвоню. Расскажу. Про тень. Про пульт. Про Диану. Он послушает.

Глаза тяжелее. Мысли медленнее.

Телек — гудит.

Холодильник — гудит.

Часы — тикают.

Тикают.

.

.

.

Пульт на тумбе. Я положил его на стол. Но он — на тумбе.

Не важно.

Спать.

.

.

.

3:47.

А в квартире, в углу, кто-то другой не спал. Я не спал. Я ждал. Я знал, что 3:47 — это только начало. Я — Тень. Я — то, что он забыл.

Глава 3. «Чужой в моём доме»

Я просыпаюсь.

Не так, как просыпаются люди — резко, с мыслью «опять этот день», с тяжестью в груди и желанием натянуть одеяло на голову. Я просыпаюсь, как будто меня вытолкнуло. Как будто кто-то нажал кнопку «старт», и я просто — есть. Без разгона. Без подготовки. Сразу — здесь.

И первое, что я понимаю: это не мой дом.

Нет. Это мой дом. Я знаю эти стены. Я помню, как они были светлее, когда я только сюда пришёл. Или не пришёл — а просто стал. Помню, как трогал их пальцами, и они были тёплые, как будто внутри них — ток. Сейчас они чуть холоднее. На градус. Не больше. Но я замечаю. Я всё замечаю.

Кухня. Та же кухня. Стол. Стул. Холодильник. Он гудит. Я не люблю этот звук. Он слишком громкий. Слишком настойчивый. Как будто холодильник хочет мне что-то сказать, но не знает, как.

Открываю дверцу. Внутри — странные вещи. В обёртках. С буквами. Буквы — не мои. Я не знаю этих букв. Они складываются в слова, которые мне ничего не говорят. «Доширак». Что это? Еда? Наверное. Но запах — резкий. Кислый. Не мой. В моём доме нет такого запаха. В моём доме пахнет... ничем. Или — теплом. Или — тишиной. А тут — запах, который лезет в нос и не хочет уходить.

Закрываю дверцу. Холодильник щёлкает. Этот щелчок — как удар. Слишком громкий. Слишком точный. Как будто он специально.

Прохожу в комнату.

Там — он.

Он. Спит. На моей кровати. Рот приоткрыт. Дышит. Громко. Как будто специально, чтобы я его слышал. Как будто хочет, чтобы я знал: «Я здесь. Это моё».

Но это не его. Это моё.

Я стою в дверях. Смотрю. Не двигаюсь. Не потому что боюсь. Потому что не понимаю. Как он сюда попал? Как он лёг на мою кровать? Кто ему разрешил?

Подхожу ближе. Осторожно. Как будто пол может треснуть под ногой. Как будто любое движение — слишком много. Слишком громко. Слишком... неправильно.

Тяну руку. Хочу тронуть его плечо. Просто — тронуть. Чтобы он понял: «Эй. Ты не здесь. Ты не в моём доме».

Рука проходит. Не сквозь — мимо. Не хватает. Как будто между мной и ним — расстояние, которого нет. Как будто я тянусь, а воздух становится густым, как сироп, и не пускает.

— Эй, — говорю. Голос звучит странно. Не как мой. Как будто слова падают и разбиваются о пол. — Проснись.

Он не слышит. Даже не вздрагивает. Только дышит. Громко. Слишком громко.

Сажусь на пол. Рядом с кроватью. Смотрю на него. Он спит. Спокойно. Как будто так и надо. Как будто это нормально — спать в чужом доме. Как будто можно просто прийти, лечь и сказать: «Это моё».

А я — чужой.

В своём собственном доме.

Трогаю стену. Пальцы скользят по обоям. Обои шершавые. Не такие, как раньше. Раньше они были гладкие. Или мне казалось? Может, я просто забыл. Может, я всё забыл. Может, это не мой дом, а я просто придумал, что он мой.

Эта мысль — как холод. Проходит по спине. Останавливается где-то под рёбрами.

Нет. Это мой дом. Я его чувствую. Чувствую, как он дышит. Чувствую, как стены держат тепло. Чувствую, как пол помнит мои шаги. Это мой дом. А он — чужой.

Встаю. Хожу по комнате. Проверяю. Шкаф — на месте. Тумба — на месте. Часы на стене — идут. Но отстают. На семь минут. Я не понимаю, как часы могут отставать. Часы должны идти правильно. Должны. Иначе — всё неправильно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.